
СТАРЫЙ И НОВЫЙ СВЕТ

УДК 821.111.09 – 3 +929 Во

ББК 83.3 (4 Вел)

Ирина КАБАНОВА

ИВЛИН ВО И АМЕРИКА

Аннотация: Обрисовывающийся сегодня в качестве крупнейшего английского писателя XX в. Ивлин Во не мог в своем творчестве обойти вниманием одну из важнейших проблем английской культуры – взаимоотношения с США. Рассматривается эволюция взглядов Во на Америку: биографический контекст воссоздается с помощью писем и дневников писателя, история четырех американских поездок – с опорой на биографов и исследователей творчества Во. Анализируются образы американцев в путевой прозе и романах писателя. Особое внимание уделяется повести «Незабвенная» как единственному в творчестве Во произведению на американском материале, а также статье «Американская эпоха в католической церкви». Показана взаимозависимость общих мировоззренческих посылок творчества Во (отношение к современности как к веку забвения традиционных ценностей, веку жестокого абсурда, хаоса, утраты смыслов), его консерватизма и мизантропии с его негативным восприятием США как высшего воплощения ненавистного Во демократизма. Поначалу стихийный антиамериканизм Во, получив подпитку рядом биографических обстоятельств, после 1945 г. становится аналитичным и художественно неотразимым («Незабвенная»), после чего неожиданно, но внутренне закономерно, Во – только в одной, религиозной сфере – создает панегирик Америке как будущему лидеру католического мира. Это его форма признания наступившего после Второй мировой войны Pax Americana.

Ключевые слова: Ивлин Во, США, англо-американские литературные связи, анти-американизм, католическая церковь, образы американцев.

© 2016 Ирина Валерьевна Кабанова (Саратовский национальный государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия; профессор, доктор филол. наук) ivk77@hotmail.com

OLD WORLD NEW WORLD

UDC 821.111.09 – 3 +929 Waugh

ББК 83.3 (4 Вен)

Irina KABANOVA

EVELYN WAUGH AND THE USA

Abstract: Evelyn Waugh's critical reputation has soared today to that of the foremost British novelist of the XX century. Naturally he had to deal with one of the shaping factors of English XX-century culture, American influence. Waugh's stance on the USA comes under scrutiny: the diaries and letters are used to recreate biographical context; American visits' of 1946-1950 description is based on biographical and critical accounts. Simultaneously the American characters from the early travel writings and the novels are analyzed. «The Loved One» gets special attention as Waugh's single fiction set in the USA, and among non-fiction works – the article «The American Epoch in the Catholic Church». Waugh's general outlook (his vision of modernity as the age of decline of traditional values, absurd and chaos, loss of meaning, his political conservatism and misanthropy) is shown to predicate his negative attitude to the US as the triumph of democratic principle, which Waugh famously denounced as “the age of common man”. The evolution of Waugh's opinions on the USA is traced from the slightly xenophobic prejudice, common in his circles, through a series of business interactions with American publishers and Waugh's growing financial dependence on the US royalties, to his most anti-American work, «The Loved One», and somewhat unexpected repentance of its critique in the panegyric of the article, where he proclaimed America the future leader of the Catholic Church. That was Waugh's form of acknowledgement of the post-1945 Pax Americana.

Keywords: Evelyn Waugh, the USA, Anglo-American literary relations, anti-Americanism, Catholic Church, Americans in Waugh's fiction and non-fiction.

© 2016 Irina V. Kabanova (N.G. Chernyshevsky Saratov National State University, Saratov, Russia; Professor, Doctor Hab. in Philology) ivk77@hotmail.com

Каков сегодняшний статус Ивлины Во (1903-1966), и чем через пятьдесят лет после его смерти могут быть интересны взгляды этого английского писателя на Америку?

В феврале 2016 г. американский журнал «Time» включил Во в список 100 самых читаемых в США женщин-писательниц, что напомнило об эпизоде в самом начале его творческой карьеры. Тогда анонимный рецензент лондонской «Times» благосклонно отозвался о первой публикации Во, биографии «Россетти» (1928), назвав его на основании первого имени «мисс Во», на что начинающий автор отозвался негодующим письмом в редакцию. Сегодня аналогичная ошибка сразу вызвала в печати и в Интернете взрыв насмешек над падением культурного уровня уважаемого журнала — и «Time» немедленно исправил ошибку. Если отбросить это анекдотическое происшествие, репутация Во неуклонно растет с каждым десятилетием. Все его основные произведения постоянно находятся в печати, он занимает прочное место в университетских списках обязательного чтения, его творчество всесторонне изучено.

Из десятков посвященных Во биографических исследований выделяются четыре: первая биография, написанная другом Во и единоверцем-католиком Кристофером Сайксом [Sykes 1975] по заказу семьи и оттого сглаживающая некоторые стороны личности и творчества писателя; самая детальная и объективная двухтомная биография Мартина Стэннарда [Stannard 1986, 1992], вызвавшая у ряда поклонников неприятие тем, что ее автор не принадлежит к близким Во социальным кругам и потому якобы его трактовки жизни и произведений Во ошибочны; на редкость сбалансированная и живая биография Селины Гастингс [Hastings 1994], сосредоточенная на кругах общения Во; и, наконец, заказанная внуком писателя Александром Во к пятидесятилетию со дня его смерти биография Филипа Ида [Eade 2016], заявленная как «свежий портрет» Во-человека, но встреченная скептическими рецензиями, поскольку доступ к новым материалам из семейного архива не смог компенсировать, с точки зрения рецензентов, странного решения Ида вовсе не писать о произведениях Во. В связи с этой новейшей биографией в очередной раз стало очевидно, что только творчество писателя обуславливает интерес к его частной жизни, а не наоборот («It is Waugh's writing that makes his world interesting, not the other way round» [Sexton 2016]). Однако в случае Во знание биографических обстоятельств многое проясняет в интерпретации творчества, поэтому так ценны для исследователя «Дневники» [The Diaries of Evelyn Waugh 1976] под редакцией Майкла Дэви и «Письма» [The Letters of Evelyn Waugh

1980] под редакцией Марка Эмори, а также собранные Донатом Галлахером «Эссе, статьи и рецензии Ивлины Во» [The Essays, Articles and Reviews of Evelyn Waugh, 1983], включающие 240 образцов журналистики Во и список не вошедших в это издание 390 статей. Кроме того, издана переписка Во с двумя его постоянными корреспондентками, леди Дианой Купер [The Letters of Evelyn Waugh and Diana Cooper, 1992] и писательницей Нэнси Митфорд [The Letters of Nancy Mitford and Evelyn Waugh, 1997]. Из монографий, в равной степени посвященных жизни и творчеству Во, наиболее удачными представляются двухтомник Джона Уилсона [Wilson 1996, 2001], глубокая «Критическая биография» Дугласа Л. Пейти [Patey 2001], небольшая насыщенная книжка Энн Пастернак Слейтер [Pasternak Slater 2016].

Ряд исследователей Во полагает, что такое внимание к биографии писателя обусловлено уникальной именно для него степенью взаимозависимости жизненного опыта и литературных произведений. Критические подходы к творчеству Во к настоящему времени в основном устоялись. Его мастерство комического гения, мастера сатиры, продолжателя традиций Остен и Диккенса рассматривают Джеймс Каренс [Carens 1966], У.Дж. Кук [Cook 1971], Фредерик Бити [Beaty 1994], Наоми Милторп [Milthorpe 2016]. Поворотным событием в жизни Во было принятие им католичества после крушения его первого брака в 1930 г.; влияние католицизма на творчество Во и его вклад в историю английского католического романа рассматриваются как в положительном [De Vitis 1958, Brennan 2013, De Coste 2015], так и в отрицательном свете [Wilson 2002, O'Donnell 1952, Wykes 1999]. Во и модернизм [McCartney 1987], Во и Вторая мировая война [Munton 2005, Gallagher 2011], Во и Второй Ватиканский собор – кажется, в жизни и творчестве Во не осталось «белых пятен». Интересующая нас тема Во в Америке затрагивается в «Опасных паломничествах» М. Брэдбери [Bradbury 1995, p. 404-460], в «Беде под солнцем» Р.М. Дэвиса [Davis 1999], в книге М.Ф. Коди [Coady 2015] и ряде статей, преимущественно мемориального характера, воссоздающих посещения писателем того или иного американского католического университета [McGowan, Jones 2003, Krohe 2012].

В 2016 г. в ознаменование пятидесятилетия со дня смерти Ивлины Во в Англии под общей редакцией Александра Во и Мартина Стэннарда начинает выходить полное собрание сочинений писателя в 43 томах, рассчитанное до 2020 г. Таких изданий не существует ни для кого из английских романистов XIX-XX вв., следовательно, сам по себе этот факт – признание сложившейся репутации Во как ведущего мастера англий-

ской прозы XX в., признание степени изученности его биографии и всех аспектов творчества, его актуальности для современной культуры англоязычных стран.

Джордж Оруэлл в наброске оставшейся ненаписанной рецензии на «Возвращение в Брайдсхед» сформулировал парадокс, лежащий в основе притягательности творчества писателя: «Во — лучший романист современности (насколько это сегодня вообще возможно), и при этом его взгляды полностью несостоятельны» [Hitchens 2003]. То, что для Оруэлла представляло «несостоятельность» мировоззрения Во — его враждебность духу буржуазной демократии с торжеством «среднего человека», неприятие идей прогресса и социализма, католицизм — сегодня выглядит как основание его исключительной пронизательности в противостоянии своему веку, причем его оригинальное видение абсурда, пошлости и претенциозности современности воплощалось в художественно совершенных литературных формах. Общим местом в критической литературе стало признание прозрачной элегантности, безупречной точности его стиля — свойств, обычно не присущих комическому письму, что заставляет вести бесконечные споры о специфике гротеска, иронии и сатиры у Во. Говоря словами Джозефа Эпстайна, «никому пока не удалось разгадать загадку этого необыкновенного писателя и его чарующего искусства. Сорвите то, что вы считаете его маской — под ней окажется другая, а под ней еще одна, и так далее. Препятствием к нашему пониманию Во является, не в последнюю очередь, тот нелепый публичный образ, который он себе старательно соорудил. Уникальность Во состоит в том, что с самого начала он, лично страдающий от «беспощадной скуки», никогда не дает скучать своему читателю. Из всех серьезных авторов XX в. ни один не доставил своим читателям больше удовольствия, чем Ивлин Во» [Epstein 1988, p. 120].

Ивлин Во родился в 1903 г. в Лондоне, который был мировой столицей уже в силу того, что Британия на протяжении двух предыдущих веков была ведущей мировой державой. Когда Ивлин Во умер в своем доме в Ком-Флори в 1966 г., место мирового лидера уже занимали США, а Англия превратилась при них, по выражению Оруэлла, во «взлетно-посадочную полосу № 1». Излишне прямолинейным выглядело бы утверждение, что в своем отношении к США Во прошел путь от антиамериканизма к проамериканским симпатиям. Насколько творческая эволюция Во отражает изменение места США в мировом порядке, как он относился к американской цивилизации, каковы были впечатления от четырех его поездок в Америку, как его образы США

соотносятся с традицией английской литературы в изображении Америки — вот круг вопросов, которые будут рассмотрены ниже.

Большинство предков Во были людьми «свободных профессий», то есть принадлежали к среднему классу, и его школа — Лансинг — была подготовительной школой для мальчиков из этой среды. Однако в студенческие годы в Оксфорде Во попал в аристократические круги и сделал все, чтобы в них закрепиться. Он начал показательно демонстрировать свою приверженность установкам и традициям британской аристократии, а она сохраняла рожденное веками мирового лидерства представление об англичанах как о соли земли и — более или менее замаскированное воспитанием — отношение к американцам как к «братьям нашим меньшим», неразумным детям, когда-то имевшим несчастье ускользнуть из-под родительского контроля. При этом с конца XIX в. английские аристократы охотно вступали в брак с «долларовыми принцессами», чьи состояния помогали поддерживать привычный образ жизни в родовых поместьях. Американскими наследницами были матери близких друзей Во по Оксфорду — Джесси Лоу из Саванны, Джорджия, стала женой баронета Хью Грэма и матерью Алестэра Грэма, ближайшего друга и возлюбленного Во в оксфордские годы; Грейс Хайндс из Алабамы, вторая жена политика лорда Керзона, была матерью братьев Альфреда и Хьюберта Дагганов. С последним Во был особенно близок, и возврат Даггана в католицизм на смертном одре в 1943 г., чему Во был свидетелем, стал импульсом к созданию «Возвращения в Брайдсхед» (1945), первого открыто католического романа писателя.

Чисто американского происхождения были самые яркие студенты оксфордских лет Во — Хэрролд Эктон, глава «нового эстетизма», и Брайан Ховард, больше известный скандальным образом жизни, чем своей поэзией. Черты Ховарда и Эктона скомбинированы в образе Энтони Бланша из «Брайдсхеда». С 1929 г. Во приятельствовал, то ссорясь, то заключая перемирие, с сыном Уинстона Черчилля Рэндольфом; двоюродной теткой Рэндольфа была герцогиня Мальборо, урожденная Консуэло Вандербильт, а его бабкой — урожденная Дженни Джером из Нью-Йорка. Когда Во пишет в «Дневнике» или письмах о них или других своих светских приятельницах американского происхождения, например, о возлюбленной Грэма Грина Кэтрин Уолстон, он ни разу не отмечает их национальной принадлежности; они для него такие же «свои», как англичане, они — элемент аристократического, космополитического мира. Знакомство с этим миром в студенческие годы укрепило Во в оценке родной среды среднего класса как косно-мещанской.

В Англии процесс американизации культуры начался после Первой мировой войны. В двадцатые годы Во вращается в кругу золотой молодежи, увлекающейся коктейлями, кинематографом, автогонками и джазом; все эти новинки так или иначе ассоциируются с Америкой. Среди девушек со старинными титулами шло соревнование, кто появится на вечеринке в сопровождении самого эффектного спутника, крупного американского негра в безукоризненном костюме. По приглашению Х. Эктона американка Гертруда Стайн читает летом 1926 г. в Оксфордском университета лекцию, которую мало кто из слушателей понял, но все восторженно приветствовали¹. В том же году Во с удовольствием прочитал «Фиесту» Хемингуэя и увидел в ней подтверждение своего неприятия психологизма высокого модернизма. Американская культура в этот период, конечно, не является предметом его размышлений, и его ранние дневниковые записи, в которых фигурируют «американцы», скорее свидетельствуют о том, что он относится к ним предвзято, с набором предрассудков, характерных для его класса и культуры. Вот первые американцы, упоминаемые в «Дневнике»: рождество 1926 г., зимние каникулы в школе, где он учителствует, Во на борту парохода, идущего из Марселя в Грецию, делает запись о своих соседях по столу: «Только что обедал с двумя американцами. Первый вульгарный хвостун и богохульник, но зато хорошо знает Грецию и Европу вообще, много пьет. Второй невероятно невежествен и слабоумен. Я-то думал, такие ужасные типы бывают только в Уэльсе» [Waugh 1976, p. 273–274].

Романный дебют Во — «Упадок и крах» (1928) — превратил его из молодого человека, отчаявшегося в попытках заработать на жизнь рисованием, учительством, ремеслом краснодеревщика, в самого многообещающего писателя своего поколения. Его перо оказывается сразу востребованным и в периодике, в том числе американской, где он выступает со статьями на злободневную общественную тематику, и у издателей, заказывающих ему на протяжении тридцатых годов одну за другой книги путевой прозы. По мере расширения опыта Во-путешественника его зарисовки американцев в путевой прозе становятся более разнообразными.

Например, в книге «Ярлыки. Средиземноморский дневник» (1930) описывается его плавание на круизном лайнере «Стелла Поларис», на борт которого он поднялся в Монте-Карло, по восточному Средиземноморью. Сразу после публикации «Ярлыков» Во уничтожил путевой

1. «...she managed to hold them spellbound without a single concession to meet their understanding. Her lecture soared above their heads as they sensed something that surpassed them, but which freed neither their laughter nor their judgment, so that nothing was left to them but to applaud uproariously» [Barney 1994, p.34].

дневник путешествия [Stannard 1986, p. 172], поэтому о том, как оно проходило в реальности, можно судить лишь по немногочисленным письмам. Казалось бы, описывается далекий от Америки регион, однако Святая Земля, пирамиды Египта, Константинополь, Неаполь привлекают туристов со всего света, и среди них автор чаще всего отмечает американцев.

Уже в начале книги говорится, что проезжая через Париж, автор останавливается у своих американских друзей. Краткая зарисовка Во предвосхищает тот развернутый образ американской колонии в Париже двадцатых годов, который знаком по хемингуэвскому «Празднику, который всегда с тобой». Во рисует то же богемное, алкогольно-бессонное кочевье по парижским барам, ресторанам и сомнительным клубам, завершающееся на рассвете тарелкой горячего лукового супа на рынке. «Добрый, щедрый и совершенно восхитительный» [Waugh 1976, p. 11] безмянный американец отвечает на вопрос, все ли его ночи проходят так же: «нет, раз в неделю он обязательно проводит ночь дома за игрой в покер» [Waugh 1976, p. 12].

Это самый дружелюбный портрет американца в «Ярлыках», все остальные, столь же мимолетные, без комментариев дают не самый симпатичный совокупный образ нации. Это надменный шофер, который везет автора на экскурсию в Назарет, курит «Лаки страйк» и разговаривает на безукоризненном английском; выясняется, что он вырос в Нью-Йорке, но был депортирован на родину, и теперь мечтает только о том, чтобы скопить денег на возвращение в США. Группа усталых американских туристов в египетском подземелье, среди саркофагов священных быков, возмущается тем, как абсурдно тратили ресурсы древние египтяне, и вызывает у автора вопрос — разве не столь же абсурдны они сами в этом месте, разве не смешна их цель — осмотром достопримечательностей приблизиться к самоусовершенствованию? Автор иронически завидует богатой американке, которая на любое предложение купить восточный ковер, сосуд, лампу, отвечает, что точно такая же вещь, только больших размеров, пылится у нее дома в кладовке. С точки зрения автора, американские туристы еще более вульгарны, чем европейские пассажиры корабля, и в конце концов он начинает сочувствовать американцам в Европе. Тот, кто вырос в древней европейской культуре, хоть как-то, пусть инстинктивно, умеет отличать подлинник от подделки — американцам это умение не дано, считает Во.

В гротесковом мире второго романа писателя «Мерзкая плоть» (1930) американцы — составная часть панорамы лондонского общества. Это

образы второго плана: член Верховного суда Скимп, постоялец отеля «Шеппард», со словами «Почту для себя за честь...» оплачивающий бутылку за бутылкой шампанское для всей компании. Он особенно впечатлен английской системой правосудия, когда полицейские искусно заминают расследование смерти девицы, пытавшейся покачаться на люстре в его номере. Пародией на методы американской проповедницы Эме С. Макферсон является образ одиозной миссис Мелроз Оранг, проповедницы и сводни, с ее хором красоток-ангелов и девизом «Спасение души не идет впрок, когда оно дается бесплатно» [Во 1974, с. 35]. Когда главный герой романа служит репортером светской хроники, он легко запускает придуманные им самим моды с помощью ссылок на Нью-Йорк, например, моду на черные замшевые штиблеты; он пишет в своей колонке: «Говорят, эта мода, пришедшая к нам, как и многие другие, из Нью-Йорка, найдет здесь в текущем сезоне многочисленных последователей», и через неделю с удовольствием замечает, что «роскошные магазины готового платья на Риджент-стрит... выстроили на серебряных полочках длинные ряды черных замшевых штиблет с карточкой “Для вечеров”» [Во 1974, с. 106].

Тем временем Америка начала поворачиваться к Во другой своей стороной. «Дневник», который после крушения его первого брака становится более деловым, сухим по тону, фиксирует 20 мая 1930: «Ланч в “Айви” с Джонатаном Кейпом, моим американским издателем» [Waugh 1976, p. 309]². Литературному агенту Во летят указания в письмах и записках: велеть американцам прекратить забрасывать его срочными телеграммами — все равно они получают рукопись «Черной беды» не раньше, чем автор сочтет возможным; узнать в «*Harper's Bazar*», каков будет его гонорар за серийную публикацию в журнале отрывков из «Пригоршни праха». Дневник фиксирует знакомства со многими симпатичными Во американцами: живущей в Лондоне актрисой-чтицей Рут Дрейпер, «слишком гуманной и филантропичной» [Waugh 1976, p. 314]; романисту Карлу Ван Вехтену он надписывает книгу: «плейбою Запада, с искренним восхищением» [Waugh 1976, p. 317].

Тридцатые годы — время семейной неустроенности Во (во второй брак с Лорой Герберт он вступит в апреле 1937 г.) и его странствий по экзотическим странам, дававшим материал для путевой прозы. Оставаясь внешне все тем же невозмутимым англичанином, чувствитель-

2. Американскими издателями Во были: нью-йоркский филиал образованного в 1921 г. в Лондоне издательства «Jonathan Cape» («Упадок и крах» 1930, «Мерзкая плоть» 1930); «Farrar & Rinehart», Нью-Йорк («Черная беда» 1932, «Пригоршня праха» 1934); «Little, Brown & Co», Бостон — начиная с романа «Сенсация» (1938) и по сей день.

ным к комфорту, насмешливым к любым проявлениям варварства, Во окончательно теряет веру в превосходство европейской цивилизации. В открытке из Иерусалима от 23 декабря 1935 г., адресованной Кэтрин Асквит, он пишет: «Я давно перестал гордиться тем, что я англичанин — пора перестать гордиться тем, что мы европейцы» [Waugh 1982, p. 102]. Побывав в Южной Америке в первой половине 1932 г., он так и не удосужился посетить тогда Америку Северную; США в тридцатые годы не вызывают его писательского интереса, но становятся все важнее для него как доходный литературный рынок. Уже после начала Второй мировой войны Во заносит в дневник: «получил известие, что редактор американского журнала «Life» желает меня видеть в «Савое». Не хотел идти, потом пошел; потешный бабуин заказал две статьи по тысяче долларов каждая, цена потрясающая; если все получится, денег хватит на расплату по всем текущим долгам» [Waugh 1976, p.451].

В годы Второй мировой войны, проведенные в основном на разных театрах военных действий, Во утратил последние иллюзии относительно этических основ современного Запада и способности католической церкви замедлить распад западной культуры. В последний раз он попытался что-то активно изменить, принимая участие в военных и разведывательных операциях, поддерживая югославских католиков перед угрозой прихода к власти И.Тито, но испытал разочарование от тщетности своих усилий. В результате на исходе войны Во пришел к убеждению, что его истинное призвание, его индивидуальное задание от Бога — не активная общественно-политическая жизнь, а исполнение писательской миссии. После 1945 г. Во субъективно полагал, что его лучшее время как художника прошло, что его воображение занято прошлым и закрыто для новых впечатлений. Жизнь показала, что он заблуждался; мощным источником новых впечатлений стало его непосредственное знакомство с США, состоявшееся благодаря неслыханному успеху в Америке «Возвращения в Брайдсхед». Избранный «романом месяца», «Брайдсхед» сделал имя Во известным широкому американскому читателю, вызвал поток личных писем от американских читательниц. «Я в одночасье стал объектом любопытства американцев, которые полагают, что, купив мою книгу, автоматически приобрели мою дружбу и доверие» [Waugh 1980, p. 370]. Несмотря на то, что они его бесконечно раздражали, Во, в силу воспитания и привычки не оставлявший писем без ответов, многим отвечал индивидуально, а коллективным ответом на типичные банальные вопросы американок (он утверждал, что получил из США только одно письмо от мужчины-читателя) стало его

эссе «Плата поклонникам» («Fan-Fare», опублик. в «Life», 8 апреля 1946). «Брайдсхед» поднял его американские гонорары на новые высоты. «Дневник» за 27 ноября 1946 г. сообщает: «Утром получил предложение из Америки дать 50 слов за 50 фунтов. Забавно, таков был мой гонорар за «Россетти» двадцать лет назад» [Waugh 1976, p. 664]. После войны социалистическое правительство в Англии ввело прогрессивную ставку налога, так что Во не мог получать доход от американских продаж его книги в полном объеме; «Little, Brown & Co» раз в полугодие выплачивали ему 5 тысяч долларов, остальное аккумулировалось на его банковском счете в США. Во сетовал, что став автором бестселлера, стал жить беднее, чем прежде, и винил в этом английское правительство.

В «Возвращении в Брайдсхед», самом популярном романе Во, тридцатые годы расцениваются как «последнее десятилетие величия Англии» [Во 1974, с. 391], Америка же фигурирует как источник потенциального богатства – жена повествователя, художника Чарльза Райдера, пытается устроить ему контракт в Голливуде, к чему сам он относится с презрением. В языке повествователя подразумеваемые синонимы «американского» – «невоспитанное, нецивилизованное, второсортное». Райдер в Нью-Йорке везде распахивает окна, потому что во всех комнатах слишком натоплено, и долго втолковывает официантам, что не пьет напитков со льдом. Неверную и нелюбимую жену Райдера Селию в Европе часто принимают за американку «из-за ее броской и элегантной манеры одеваться и своеобразного гигиенического характера ее красоты» [Во 1974, с. 393]; супруга американского сенатора миссис Стювесант Оглендер, «вульгарная, грубая баба» [Во 1974, с. 432], начинает знакомство с Райдером со слов: «Я решительно все о вас знаю. Селия о вас столько рассказывала» [Во 1974, с. 405]. Смешон американский священнослужитель за капитанским столом, рекомендующийся «довольно тавтологическим титулом епископального епископа» [Во 1974, с. 407].

В связи с «Возвращением в Брайдсхед» любопытно привести окололитературный сюжет отношений Во с ведущим американским критиком Эдмундом Уилсоном. В 1944 г. Уилсон, восхищавшийся романами Во тридцатых годов, в печати называл Во «единственным комическим гением первого сорта, пишущим по-английски, появившимся после Бернарда Шоу» [Meyers 2003, p. 269]. Во был знаком с этой рецензией, но при личной встрече в Лондоне у их общего друга Сирила Коннолли в апреле 1945 г. подверг Уилсона своему обычному испытанию. Он притворился, что не знает, кто такой Уилсон – заговаривал с ним то о его «родине» Айдахо (Уилсон родом из штата Нью-Джерси), то о Генри

Джеймсе, якобы предмете изысканий Уилсона как «родсовского стипендиата» в Оксфорде (Уилсон был на восемь лет старше Во и закончил Принстон). Уилсон заговорил об антагонизме англичан по отношению к американцам — и Во признал это, причем в его «маленьких ярких жестких глазках», как вспоминает Уилсон, «зажегся огонек». За выпивкой в старейшем лондонском клубе «Уайтс», любимом клубе Во, Уилсон перешел в наступление. Он указал Во на стилистические погрешности в «Брайдсхеде», на что Во только и мог возразить: «Это на меня не похоже» [Meyers 2003, p. 169-170]. Словесная дуэль продолжилась на обеде в честь Уилсона, когда Во, предупрежденный не затрагивать неприятную для гостя тему, вынудил американца признаться, что его роман «Воспоминания о графстве Геката» издатели не печатают, опасаясь обвинений в порнографии. Во выразил сочувствие: «В подобных случаях я всегда рекомендую печататься в Каире» [Meyers 2003, p. 170]. На следующий день Во не явился в назначенный час, чтобы показать Лондон «малозначительному янки по имени Эдмунд Уилсон» [Waugh 1976, p. 625]. В свою очередь, Уилсон в январе и июле 1946 г. в журнале «New Yorker» опубликовал резко негативные отзывы о «Брайдсхеде», положив начало критическому мнению о снобизме Во и упадке его творчества, начиная с «Брайдсхеда» [Wilson, 2002, p. 245–248]. Последнее слово осталось за Во. В широко цитируемом, весьма содержательном интервью Джулиану Джеббу для «Paris Review» в 1963 г. на вопрос, мнения каких критиков были самыми полезными в его работе, может быть, Эдмунда Уилсона? Во отвечает: «— Он американец? — Да. — Не думаю, что мнения американцев могут представлять интерес...» [Waugh 1963].

В предисловии к избранному своей путевой прозы «Когда путешествовать было легко» (1946) Во пишет, что все его поколение предпочитало в молодости непроторенные дороги, поездки в страны «дикие», желательно опасные. Европу и Америку они оставляли «на потом», когда в старости им понадобятся мягкое солнце, комфорт роскошных отелей с исполнительной прислугой [Waugh 1976, p. 8]. Успех романа «Возвращение в Брайдсхед» (1945) в США побудил студию «Метро Голдвин Майер» купить права на экранизацию романа, и в 1947 г. состоялась первая полноценная поездка Во в США³, для переговоров с руководством студии. Во знал, что в случае согласия его ждет самый

3. Во с женой делали пересадку в Нью-Йорке по дороге в Мексику, для сбора материалов для книги «Грабеж по закону» (1939), в августе 1938 г. и на обратном пути через два месяца. Единственное впечатление, которое фиксирует письмо Во к Генри Йорку — страшная жара в Нью-Йорке [Waugh 1982, p. 118], увидеть там они ничего не успели. Это первое соприкосновение с Америкой биографы фиксируют [Sykes 1975, p. 253, Stannard 1986, p. 479], но и только.

большой гонорар за всю его карьеру — 150 тысяч долларов (миллион шестьсот пятьдесят тысяч по нынешнему курсу), но, похоже, в его планы и не входило дать студии разрешение на работу над сценарием. Для Во было неприемлемо главное требование американцев — убрать двойной адюльтер, сделать Чарльза Райдера и Джулию Флайт не связанными узами брака. Дело в том, что Голливуд жил по принятому в 1930 г. Кодексу кинопроизводства (Motion Picture Production Code), известному как «Кодекс Хейса», призванному охранять мораль в кинематографе. 21-й пункт его заботился о неприкосновенности института брака, секс вне брака должен был изображаться как недопустимый и отвратительный. Американская сторона на переговорах видела в «Возвращении в Брайдсхед» чисто любовную историю; объяснения Во по поводу истинного теологического смысла романа — Бог в своем милосердии предоставляет каждому шанс найти к нему дорогу — поставили директора студии в тупик, и он счел за лучшее не настаивать на своем проекте. Так Во упустил возможность разбогатеть, обнаружив при этом твердость веры, но он не упустил возможности извлечь из этой поездки максимум приятного и полезного. «МГМ» выделила 5 тысяч долларов для оплаты визита четы Во в Америку, так что они путешествовали с комфортом, который был для Лоры и для самого Во столь желанной передышкой от талонной системы послевоенной Англии. Главное же, что в Лос-Анжелесе Во открыл «литературный золотой прииск» («a deep mine of literary gold») [Waugh 1976, p. 675] — поездка дала материал для «Незабвенной» (1948), единственного произведения Во, которое напрямую описывает американскую цивилизацию.

Во радушно принимали в Голливуде американские хозяева и тамошние англичане, он познакомился с обоими «истинными художниками» «фабрики грез», Чарли Чаплиным и Уолтом Диснеем. Знакомая англичанка, леди Шила Мильбэнк, указала ему на кладбище «Форест лон» как специфическую достопримечательность Лос-Анжелеса, и весь остаток поездки Во провел, знакомясь с этим поразившим его предприятием. Основанное в 1906 г. доктором Хьюбертом Итоном привилегированное кладбище, оформленное как символический Эдем, отрицающее тем самым реальность смерти, показалось Во самым наглядным воплощением инфантильности, нравственной незрелости американской цивилизации, которая, пытаясь закрыть глаза на все неприятные стороны жизни, игнорирует или всячески приукрашивает саму смерть, обесценивая тем самым жизнь. Во обедал с доктором Итоном, свел приятельство с главным бальзамировщиком Рэем Слокумом, болтал с

персоналом кладбища; американцам льстило внимание иностранного писателя, перед ним были раскрыты все двери «Форест Лон». Домой в Англию он привез кипу рекламных брошюр из «Форест Лон» (их тон и слог воспроизведены в повести в речах моргпроводниц), фотоальбом кладбища, каталог украшающих его произведений искусства, а также «Технику бальзамирования» Р. Слокума. Само название повести автор берет из корпоративного жаргона «Форест Лон», где слово «покойник» находится под запретом, и мертвые обозначаются как «любимые» (the loved ones). Описание кладбища «Шелестящий дол» в повести в деталях совпадает с его реальным прототипом. За несколько недель, проведенных Во в Лос-Анжелесе, не самом типичном американском городе, перед ним раскрылись основы культуры «калифорнийских дикарей». Самое подробное описание этой поездки Во дал Роберт Маррей Дэвис [Davis, 1999].

В «Незабвенной» Во сводит свои счета с Америкой. У него не было иллюзий относительно готовности американцев по достоинству оценить его творчество. Когда готовилось американское издание «Брайдсхеда», Во писал своему литературному агенту Питерсу: «Не думаю, что найдется хотя бы шесть американцев, которые его поймут» [Waugh 1980, p. 177]. Как явствует из его переписки, из эссе «Плата поклонникам» и «Почему “Голливуд” является термином порицания» (1947), он был глубоко уязвлен американским успехом «Брайдсхеда». К. Сайкс приводит следующий эпизод на званом обеде, где жена американского театрального продюсера обратилась к Во со словами: «”О, мистер Во, я как раз читаю вашу новую книгу “Возвращение в Брайдсхед”, и по-моему, это одна из лучших книг, которые я читала.” Ивлин ответил: “Я тоже думал, что она хороша, но раз ею восторгается такая вульгарная, пошлая американка, как Вы, я больше в этом не уверен.”» [Sykes 1975, p. 386–387].

Письма американских читателей укрепили его во мнении, что американцы – нация, лишенная культуры, ни один из них не понял смысла романа. Ряд критиков, например, Дэвид Уайкс, прямо говорят о «Незабвенной» как о «мести Во американцам за их невежественный восторг по поводу “Брайдсхеда”» [Wykes 1999, p. 154].

Во, стороннику классовой иерархии, безбрежная демократизация Америки казалась первопричиной всех пороков американского общества. Первой публикации повести в журнале «Horizon» его редактор, приятель Во Сирил Коннолли предпослал предисловие, в котором процитировал следующее письмо Во: «Я руководствовался следующими идеями: 1. Прежде всего, волнующие впечатления от места действия

(кладбища Южной Калифорнии). 2. Тупик англо-американских отношений — «и вместе им не сойтись»⁴. 3. Не существует никаких «американцев». Все они изгнанники, утратившие корни, пересаженные на чуждую почву и обреченные на бесплодие. Боги предков, от которых они отреклись, в конце концов их настигли. 4. Европейские рейдеры, если повезет, могут вернуться из Америки домой с добычей. 5. *Memento mori*» [Evelyn Waugh: *The Critical Heritage* 2002, p. 299].

Три основных объекта сатиры в этой свирепой повести — Голливуд как главный институт массовой культуры, кладбище «Шелестящий дол» как воплощение американского стремления избегать всего подлинного в жизни, и церковь США как разновидность американского сервиса. В сущности, Во показывает, что эти три институции, обслуживающие три аспекта американской жизни, работают на одинаковых основаниях — ради получения прибыли. Даже те общественные институты, которые в традиционных обществах подчеркивают свою материальную незаинтересованность, в США превращаются в разновидность бизнеса: это очевидно и в голливудских сценах, и в описании намерения главного героя стать пастором Свободной церкви, когда его советчик так описывает профессиональные трудности: «Требуются значительные расходы. Необходимо помещение. Впрочем, банки, как правило, охотно идут навстречу. Ну и потом, конечно, каждый рассчитывает на радиопаству. [...] Конкуренция с каждым годом становится все ожесточеннее, особенно в Лос-Анжелесе. Некоторые новички ни перед чем не останавливаются, берутся даже за психиатрию и столоверчение» [Во 1974, с. 575]. Для католика Во, гордившегося происхождением его церкви по прямой линии от апостолов, все эти новые американские деноминации, в которых нет ритуала рукоположения, нет прямой передачи традиции веры из рук в руки — чистое шарлатанство, что подчеркивается дискурсом деловой речи, который используют американские священнослужители.

Воспитание, образование, культура, религия — все в Америке разоблачается как имитация подлинного воспитания, образования, культуры. Продуктами этой системы становятся люди-марионетки рекламы, чужого мнения, люди, проживающие свою физическую жизнь, так и не проснувшись духовно, как это делает героиня повести Эме Танатогенос. Авторская позиция в повести сближена с точкой зрения главного героя, молодого английского поэта Денниса Барлоу, после изгнания из студии ставшего собачьим похоронщиком и добывающегося любви Эме с по-

4. Во частично цитирует первую строку из «Баллады о Востоке и Западе» (1889) Р. Киплинга: «Oh, East is East, and West is West, and never the twain shall meet...».

мощью стихов из антологии английской поэзии, которые он выдает за собственные. Деннис, как и прочие англичане, торгующие в Голливуде своей принадлежностью к европейской культуре, также является в повести объектом сатиры, но по крайней мере его американское крушение в финале превращается в «багаж художника — огромную, бесформенную глыбу пережитого опыта, который он увозит домой, к древним и безрадостным берегам, чтобы трудиться над ней потом упорно и долго, один Бог знает как долго» [Во 1974, с. 508]. Подзаголовок «Незабвенной» — «Англо-американская трагедия»; этой повестью Во вписывает свою страницу в давнюю традицию английской литературы о США, представляющую Новый Свет в сатирическом виде, как общество, где попытка построить на чистом месте цивилизацию европейского типа, лишенную недостатков материнской цивилизации, обернулась выхолащиванием смысла и всего самого ценного в человеческой жизни.

Как всегда, Во блестяще использует все художественные средства для создания богатого оттенками образа США. Повесть открывается следующей картиной: «Весь день жара была нестерпимой, но под вечер потянуло ветерком с запада, оттуда, где в нагретом воздухе садилось солнце и лежал за поросшими кустарником склонами холмов невидимый и неслышимый отсюда океан. Ветерок сотряс ржавые пятерни пальмовых листьев и оживил сухие, увядшие звуки знойного лета — кваканье лягушек, верещанье цикад и нескончаемое биение музыкальных ритмов в лачугах по соседству. В снисходительном вечернем освещении обшарпанные грязные стены бунгало и заросший бурьяном садик между верандой и пересохшим бассейном уже не казались такими запущенными, да и два англичанина, сидевшие друг против друга в качалках — перед каждым виски с содовой и старый журнал, — точное подобие своих бесчисленных соотечественников, заброшенных в забытые Богом уголки нашего мира, тоже словно бы подверглись на время иллюзорной реставрации» [Во 1974, с. 506].

Автор создает впечатление европейской колонии в тропиках; это начало напоминает его рассуждения в «Далеких людях» (1931) о европейском квартале в Адене, о неприкаянной жизни английских фермеров-холостяков в Кении, обо всех бунгало, лачугах и домиках белых, разбросанных по просторам Африки. Все приметы «забытой Богом» колонии налицо — нестерпимая жара, треск пальм на ветру, верещанье цикад; «биение музыкальных ритмов» в окрестных лачугах напоминает многочисленные сцены из путевой прозы, когда автор наблюдает местные танцы под бой барабанов. «Лачуги» и «бунгало», общее ощущение

убожества и заброшенности — автор намеренно дезориентирует читателя, поскольку только на третьей странице повествования появляется топоним «Голливуд», указывающий на место действия в повести. Такое начало — это способ актуализировать для читателя сразу веер важнейших для повести вопросов, донести свое отношение к Америке как к дикарской, варварской стране, что ставит под вопрос ее роль мирового культурного лидера. Столь болезненный для английской культуры вопрос о взаимоотношениях с культурой американской даже в середине XX в. Во вызывающе ставит в терминах взаимоотношений культуры метрополии и колонии. Парадокс состоит в том, что автор при этом показывает победу культуры «колонии», массовой культуры над утонченной культурой метрополии. Герои повести — англичане исполняют роль ученых греков при римлянах-американцах; в довоенной прозе Во Лондон или даже отдельный лондонский ресторан, отдельный лондонский клуб мог быть центром мира; теперь, после 1945 г., этот центр очевидно сместился в США. Когда Во изображает культурную столицу XX в., Голливуд, в виде варварской тропической колонии, он имплицитно сообщает читателю о своем отношении к современности, к американскому культурному господству, такое вступление — подготовка к появлению на страницах повести череды образов современных дикарей, нравственно убогих персонажей-американцев.

«Незабвенная» должна быть признана вершиной антиамериканизма Во, который с этого момента пошел на спад под влиянием новых обстоятельств. Первая, творчески самая продуктивная поездка Во в Америку часто заслоняет собой тот факт, что Во еще трижды побывал в США.

Весной 1948 г. новоизбранный президент колледжа Лойолы в Балтиморе, иезуит отец Фрэнсис Талбот, сам пробовавший себя в литературе, основатель Католического общества поэзии в США и Католического клуба книги, преодолев значительное сопротивление внутри колледжа [McGowan], известил Во о присуждении ему степени почетного доктора колледжа. Это была единственная за всю карьеру Во почетная докторская степень. Во был польщен и согласился принять степень лично, сразу принявшись изыскивать средства для поездки. В послевоенной Англии поездки за рубеж были затруднительны, лимит обмена валюты для путешественника составлял 20 фунтов стерлингов. Во же привык путешествовать с размахом, следовательно, предстояло найти щедрого спонсора поездки. Через Рэндольфа Черчилля он познакомился с американкой Клэр Бут Лус, новообращенной католичкой, и предложил ей написать обширную статью, а возможно, книгу, о положении амери-

канских католиков. Не только для Клэр Лус было важно пропагандировать ее новую веру. Ее муж, протестант Генри Р. Лус, основатель и издатель журнала «Time», прекрасно знал, что 21% американцев были на тот момент католиками. Это была общественно значимая тема. Корпорация «Time-Life» предложила Во 5 тыс. долларов (50 тысяч в сегодняшних ценах) на поездку по Америке для сбора материалов для статьи в журнал «Life», самый популярный американский журнал эпохи. Во предполагал написать статью, которая не только высветит в глазах американской публики деятельность католической церкви в США, но познакомит европейских католиков с жизнью американских собратьев.

В конце октября 1948 г. Во отплыл первым классом в Нью-Йорк и посетил все католические колледжи Восточного побережья от Бостона до Нового Орлеана, а также многие католические организации, например, познакомился с Дороти Дэй, известной реформаторшей католицизма в социалистическом духе, основательницей газеты «Catholic Worker» и бесплатной столовой в беднейшем гетто Манхэттена, на Мотт-стрит. Дэй отказалась обедать с Во в роскошном французском ресторане, куда он ее пригласил, опасаясь, что если окажется там в объективе фотокамер, это может скомпрометировать ее дело; Во с пониманием отнесся к ее резонам и еще долго посылал ей чеки, в которых значилось: «На суповую кухню Дороти Дэй» [Day 1963, p. 158-159]. В письме жене от 14 ноября 1948 г. Во описывает эту встречу так: «На следующий день [...] заказал у портного два костюма и в трущобы, познакомиться с Дороти Дэй, аскетом-автократом и святой, которая желает, чтобы все мы были бедными, и ее молодыми людьми, бедными уже сейчас, у них есть газета «Католический рабочий» и бесплатная столовая. Я устроил им большой праздник в итальянском ресторане в их районе, и миссис Дэй не понравилось, что они пили коктейли и вино, но они все равно пили, и мы проговорили до четырех пополудни...» [Waugh 1980, p. 290].

Главным событием поездки для Во стала встреча в Гефсиманском аббатстве с молодым монахом-траппистом Томасом Мертоном (1915-1968). В августе перед поездкой Во прочитал в гранках его книгу «Семиярусная гора» («Seven Storey Mountain», 1948), описывающую его обращение в католичество и после публикации в декабре того же года возглавлявшую американский список бестселлеров в течение 62 недель. Мертон вскоре вырос в видную фигуру в американской церкви, популярного теолога и мистика. В аббатстве среди зеленых холмов

Кентукки состоялось знакомство⁵, результатом которого стало не просто покровительство Во начинающему автору, но его существенная редактурa английских изданий двух книг Мертонa в попытке улучшить их литературные достоинства. Во сокращал тексты Мертонa, написал к ним предисловия, рекомендовал Мертонa кому только мог, снабжал его редкими книгами, не доступными в Кентукки. Во советовал Мертону сбавить темпы, отказаться от разговорного стиля, подвергать свои писания суровой правке, давать им отлежаться — тщетно, Мертон писал быстрее, чем успевал издавать свои книги. В начале 1950-х гг. Во разочаровался в писательском таланте Мертонa, а заодно и в американском монашестве, и их переписка заглохла; она воспроизведена и прокомментирована М.Ф. Коди [Coady 2015]. Тем не менее, по мере знакомства с новыми лицами Во начала приходить в голову мысль, что в «Незабвенной» он был излишне суров к американской церкви. В январе 1949 г. он вернулся в Англию, чтобы в конце месяца еще раз пересечь океан уже с женой.

Во отправился в лекционное турне, условленное еще до его знакомства с Лусами. Он вновь побывал в Балтиморе и Новом Орлеане, а также в католических университетах Онтарио, Чикаго (Нотр-Дам) и Милуоки. Перед светской аудиторией были прочитаны лекции в Нью-Йорке и Спрингфилде, Иллинойс. Его тема была «Современные католические писатели: Честертон, Нокс, Грэм Грин». С первым он поддерживал хорошие отношения (несмотря на то, что Честертон все-речь считал, что Во одержим дьяволом); старый знакомый Рональд Нокс, который позже назначит Во своим литературным душеприказчиком, станет предметом его биографии «Жизнь преподобного Рональда Нокса» (1959), а с Грэмом Грином их связывало взаимное уважение и близкая дружба со времен сотрудничества Во в журнале «Night and Day», который Грин редактировал в 1937 г. Говоря об этих своих друзьях, Во не пользовался никакими заметками, непринужденно шутил, много общался с аудиторией после лекций [Jones 2003]. Они с женой вновь путешествовали первым классом, не стесняясь в расходах. В конце марта чета Во вернулась домой.

Обе поездки выглядели, особенно на фоне английской послевоенной жизни, роскошными путешествиями в пульмановском вагоне или в авто с шофером, где Во сидел, окруженный облаками сигарного дыма и испарений дорогого алкоголя, однако в них содержался элемент паломничества, духовного открытия. Во не ожидал, что католическое

5. Визит Во в Гефсиманское аббатство описан в дневнике Мертонa за 30 ноября 1948 г., см.: [Merton, 1996].

сообщество в США столь многочисленно и общественно активно, и, сравнивая положение католиков в Англии и США, пришел к заключению, что будущее католической церкви связано с Америкой, а не с Европой.

Во готовил своих знакомых к тому, чтобы они не ждали многого от статьи, которую он должен был представить в «Life». В письме от 12 апреля 1949 г. к романистке Нэнси Митфорд он пишет: «Еще одна печаль состоит в том, что честь обязывает меня написать большую статью для "Life", чья деньги я тратил, как пьяный моряк, о положении католической церкви в Америке, а сказать мне нечего, кроме того, что все американцы – деревенщина, и американские католики немногим лучше непрошибаемо-оптимистичных (panglossist) американцев» [Waugh 1982, p. 296]. Во был исключительно обязателен в отношениях с издателями; и в данном случае он представил заказанные шесть тысяч слов к оговоренному сроку. Статья «Американская эпоха в католической церкви», которая была опубликована в «Life» 19 сентября 1949 г., и в самом деле не принадлежит к лучшим образцам его журналистики, но она важна для понимания перемен, шедших в мировоззрении позднего Во.

Статья оказалась уроком католического отношения к истории. Во использует частую у него метафору церкви как единого тела, как организма, чье существование направляется Духом святым: «Похоже, что в каждый период ее истории какая-то определенная часть Церкви – расовая, культурная или национальная – принимает на себя особую ответственность за сохранение целого», и в настоящий период эта роль, по его мнению, выпала на долю американских католиков. Европейцы сегодня «с любопытством и надеждой обращают взор к Новому Свету, где, кажется, Провидение обучает и закаливает нацию для предназначения, которое так долго несла на себе Европа» [Evelyn Waugh 2012].

Юная, демократическая, полная оптимизма Америка кажется на первый взгляд мало подходящим местом для древнейшей из христианских церквей, оплота аристократизма и вековой мудрости, однако Во пишет, что на своем пути сквозь века католическая церковь укоренилась и в более неожиданных местах, и так будет и впредь. Он останавливается на роли эмигрантов из Ирландии в складывании американского католицизма, отмечая как плюсы, так и минусы ирландских епископов; католичество в Америке распространялось без поддержки государства как религия беднейших слоев населения, католическое образование ставило своей целью превращение пролетариата в буржуазию. Автор высоко оценивает сложившуюся в США систему католического обра-

зования, насыщенную приходскую жизнь, культурно-образовательный уровень священников, разнообразие и доступность католической прессы, деятельность орденов, духовные искания монашества. Сравнение церкви с бизнесом в этой статье звучит одобрительно: католическая церковь в Америке сороковых годов по эффективности занимает второе место после корпорации «Стандард Ойл». Во выделяет два штата как очаги наиболее интенсивной католической жизни в США — Луизиану и Мэриленд, показывает исторически сложившееся своеобразие каждого центра. Региональные отличия католических обрядов он принимает как должное, с некоторой снисходительностью пишет об американских производителях «религиозных предметов», которые изобрели прибор для перебирания четок и рекламируют преимущества пластикового распятия, — его можно сколько угодно швырять и топтать. Интеллектуальной и эмоциональной кульминацией статьи становится описание страстной недели в Новом Орлеане. В описании Пепельной среды он соединяет веселье традиционного городского карнавала Марди Гра с католическим обрядом. Весь день не иссякает очередь к алтарю из людей всех состояний, и «целый день по всему городу, веселящемуся с легким сердцем, встречается маленькое черное пятно на лбу, отмечающее нас, членов великого братства, которое умеет радоваться и знает границы радости» [Evelyn Waugh 2012]. В Америке Во нашел то, ради чего он принял католичество и что почти утратил в своей деревенской церкви в Стинчкомбе — лекарство от одиночества, чувство сопричастности к чему-то непреходящему, безусловно значимому, ощущение мистического братства всех католиков.

Недостатками американского католицизма Во считает отсутствие в нем писателей и святых. Он оговаривается, что судит на основе увиденного, и они обязательно появятся в процессе естественного развития церкви. Томас Мертон упоминается в статье как монах, не как писатель; Дороти Дэй и «Католический рабочий» не упоминаются вовсе. И Во выносит глубоко прочувствованное суждение: «Церкви и миру монахи нужны больше, чем писатели. Писатели — только украшение. Церковь отлично без них обходится» [Evelyn Waugh 2012]. Во затрагивает таким образом главную проблему своей собственной жизни — каким образом его писательское призвание может послужить его вере, учитывая, что официальная английская католическая церковь на страницах газеты «Tablet» подвергала суровой критике все его произведения, в том числе откровенно апологетического характера. Простодушные американцы оказывали Во в целом более теплый прием, чем тот, что он

встречал у себя на родине, где к пятидесятым годам распространялось мнение о снобизме, правых симпатиях, истощении таланта писателя — мнение, напомним, впервые высказанное американцем Эдмундом Уилсоном в связи с «Брайдсхедом», и подхваченное в Англии Роуз Маколи, Донатом О'Доннеллом, Шоном О'Фаолейном, Кингсли Эмисом и сонмом враждебных Во журналистов. «Американская эпоха в католической церкви» — едва ли не единственный во всем творчестве писателя пример сдержанного исторического оптимизма, и подчеркнем, что при всех своих неотменяемых претензиях к США как к слепому поводырю увечного западного мира, Во находит именно в США, и в самой важной для него религиозной сфере, некоторую надежду на спасение западной цивилизации.

Последняя поездка Во в США в октябре 1950 г. длилась всего 18 дней, была предпринята по настоянию его издателей как часть рекламной компании романа «Елена» (1950), и Во в основном встречался со своими знакомыми американскими католиками, с которыми подружился в поездки 1948–1949 гг. Его встречали как знаменитость, он вновь наслаждался материальным изобилием американской жизни, Америка его бодрила: «Недели роскошествования и нереальной жизни в Нью-Йорке нас с Лорой сильно омолодили. Это прекрасный курорт, настолько космополитичный, что там можно не иметь ни минуты свободной и не встретить при этом ни одного американца» [Waugh 1982, p. 38]. Как видно, американские католики не изменили его отношения к американцам в целом. В этот момент он пишет леди Диане Купер: «Мужчины-американцы, конечно, отвратны, но мне нравятся богатые американки в возрасте, особенно бездетные, как большинство из них» [Coady 2012].

Больше он в США не ездил, считая, что причиной для такой поездки должен быть крупный литературный успех, а свои романы пятидесятих годов полагал написанными для сугубо внутреннего, английского потребления.

Превратившись в последние годы жизни едва ли не в затворника, Во в переписке и дневниках отмечает контакты с американцами; записи эти лаконичны и, как правило, касаются нарушений английских представлений о том, что принято: американский профессор является на обед в доме Во в белом пиджаке с искусственной гвоздикой в петлице [Waugh 1982, p. 354]; на письмо, адресованное лично Генри Лусу, отвечает тот самый его подчиненный, на которого Во жалуется в своем письме [Waugh 1976, p. 750].

Америка перестает его интересовать не только потому, что он утомлен бесцеремонностью и прямолинейностью американцев, их неизлечимой «невинностью» (innocence); он подводит итоги в той главной для себя сфере, которую он только в военные годы принял как свое божественное призвание — он сравнивает Англию и США в литературной сфере. Эссе «Литературный стиль в Англии и Америке» (октябрь 1955) увидело свет в журнале «Books on Trial»; исследователи творчества Во о нем практически не пишут, может быть, потому, что трудно возразить аргументации Во в этом горьком приговоре современной американской литературе.

Начиная с утверждения, что «стиль есть сущность произведения искусства» [Во 1980, с. 392], а стиль складывается из ясности, элегантности, индивидуальности, Во выстраивает свою иерархию стилистов в современной английской литературе. Первое место в ней делят Макс Бирбом и Рональд Нокс, ниже стоят Э.М. Форстер, Морис Боура, среди романистов — Энтони Поуэлл, Грэм Грин, Айви Комптон-Бернетт, Генри Грин. Сама по себе эта иерархия очень любопытна; ведь в не предназначавшихся для печати документах Во подчас весьма резко отзывался обо всех здесь перечисленных авторах, за исключением Бирбома и Комптон-Бернетт. Переходя к Америке, Во цитирует критика и эссеиста Логана П. Смита (1865-1946), американца по рождению, который считал, что американцы вообще глухи к языку: «С точки зрения Стиля, весь американский континент может погрузиться на дно морское, и ничто не потревожит океанскую гладь» [Во 1980, с. 395]. Во в принципе согласен со Смитом, приводя примеры. За творчеством Хемингуэя он достаточно пристально следил с двадцатых годов, его особенно впечатляло мастерство диалогов у Хемингуэя [Waugh 1976, p. 778]. В эссе Во отдает должное стилю Хемингуэя, несомненно оригинальному и индивидуальному, но в силу наложенных писателем на себя ограничений этот стиль слишком легко поддается подражанию. У Фолкнера, с точки зрения Во, из трех необходимых компонентов стиля присутствует только индивидуальность. Во стремится к объективности: «Возможно, языки двух континентов так далеко разошлись, что англичанину невозможно уловить нюансы американского языка. С разделяющего нас расстояния нам кажется, что существуют только стили определенных изданий — хороший, сухой стиль “Нью-Йоркера”, слабый стиль “Тайм”; возникает подозрение, что на авторов накладывают ограничения, чтобы они не отвлекали читателя от роскошного стиля коммерческой рекламы. Мне кажется, что американским кри-

тикам претит аффектация и изящество английских писателей. Один из барьеров между нашими цивилизациями заключается в том, что каждая сторона считает противоположную чересчур избалованной. Американцам английские писатели кажутся старыми девами, которые тревожатся о своем фарфоре, о хорошем вкусе, а внутри терзаются задавленными, полуугасшими, неестественными страстями. Мы же видим в американцах несдержанных подростков, склонных твердить одно и то же, любителей жаргона, иногда отталкивающих своей страсти к насилию и ругательствам. Мне кажется, разница состоит в следующем. Все английские мальчишки, которые сегодня стали писателями, с девяти лет изучали латынь, как и некоторые девочки. Они не стали учеными-классиками, но приобрели базовое ощущение структуры языка, научились различать сложные метры; они сами учились писать стихи по-латыни. Девочек же учили французскому и хвалили за беглость. Когда они выросли, девочки стали писать в манере непринужденной телефонной болтовни, и часто это производит очень приятное впечатление. Такую манеру письма мы считаем женской, и это то самое качество, которое мы видим у американских писателей-мужчин, которые либо учат латынь поздно и поверхностно, либо не учат ее вовсе» [Во 1980, с. 396]. Аргументы Во против небрежности и многословия американских писателей уже знакомы по его письмам к Томасу Мертону.

Отметим, что из всех американцев он называет в эссе только двух «серьезных» современных писателей. О Ф.С. Фицджеральде у него есть весьма пронизательные записи в дневнике [Waugh 1976, p. 783–784]. В других своих высказываниях Во признается, что его любимый американский писатель – Э. С. Гарднер, мастер детектива, что, конечно, содержит неотъемлемый от его публичного образа элемент эпатажа (одновременно он объявляет своим любимым английским писателем П.Г. Вудхауза) и соответствует не раз провозглашенному убеждению, что главная задача литературы – доставлять читателю удовольствие и развлечение.

Таким образом, американская литература в восприятии Во лишена того единственного, что обеспечивает жизнь литературного произведения во времени – художественного стиля, и каковы бы ни были причины этой нехватки (особенности американского образования, ослабленная идентичность американцев, которую он так ярко изобразил в «Незабвенной»), это делает американскую литературу преходящей. Исходя из своего общего восприятия американцев как

нации-подростка, Во проецирует подростковые незрелые черты на американскую литературу.

К концу жизни закосневший в принятой им на себя роли эксцентричного викторианского помещика, Во очевидно утратил интерес к любым иностранцам, да и к людям вообще: «*Внутренне* от всего отречься, стать чуждым миру; смотреть на своих соотечественников как на иностранцев, с любопытством взирая на их обычаи, терпеливо снося их глупости, сторониться их стычек — вот секрет счастья в наш век обыкновенного человека» [Waugh 1976, p. 783; курсив в оригинале]. «Самый остроумный человек своего поколения», как говорил о нем его сын Оберон, он рано постарел и больше всего боялся превратиться в скучного брюзгу. Он, однако, по-прежнему заботился о том, чтобы его письма и дневниковые записи были свежи и афористичны. 18 июля 1961 г. Во заносит в дневник: «Все мы в отрочестве американцы; все умираем французами» [Waugh 1976, p. 779].

Итак, история восприятия Ивлином Во Америки является очередной страницей давней англо-американской литературной драмы, исполненной жгучего взаимного интереса, который бывает только между близкими, взаимного непонимания, стремлений побольнее уязвить, искренних раскаяний. Личные связи, которые Во завел в Америке, трудно было поддерживать через океан, и его переписка с американскими знакомыми мала и более формальна, чем письма к английским друзьям. Во одним из первых английских писателей начал ценить США прежде всего как процветающий литературный рынок, предрекая в письме к Нэнси Митфорд по поводу ее первого американского бестселлера «Любовь в холодном климате» (1949), что с точки зрения прибыли для автора, «вскоре один читатель в Америке будет стоить десяти в Европе» [Waugh 1982, p. 307]. Сам Во, Нэнси Митфорд, Грэм Грин — все они после 1945 г. свои основные литературные заработки получали от американских изданий их произведений. Рецепция творчества Во в США была более благоприятной, чем в Англии, и его беспокойства по поводу того, как будет воспринят в США тот или иной его антиамериканский выпад, всякий раз оказывались напрасными. Широкий американский читатель и абсолютное большинство американских критиков относились к нему с восторгом и благодарностью. И по сей день американцы находят в его романах нечто очень для себя существенное — например, в ходе президентской кампании 2016 г. было подмечено сходство республиканского кандидата Дональда Трампа с персонажем «Брайдсхеда» Рексом Моттремом,

бизнесменом и политическим демагогом, который характеризуется в романе как «не человек, а только какая-то неестественно разросшаяся часть человека [...] не первобытный, а наоборот, очень современный, самое последнее измышление нашего ужасного века. Небольшая часть человека, прикидывающаяся цельным человеческим существом» [Во 1974, с. 368–369]. По мнению католика Джорджа Вайгеля, «создав образ Рекса, один из великих английских романистов нашего времени нечаянно создал портрет Дональда Трампа, который демонстрирует все свойства Рекса, за исключением его учтивых манер» [Weigel 2016].

На идеологическом же уровне претензии Во к Америке перекликаются, в сущности, с критикой американской демократии у А. де Токвиля. Во-консерватор не принимал шедших на его глазах процессов демократизации, слома классовых барьеров в английском обществе, и подавно видел в американском тотально демократическом устройстве торжество заурядности, тупости, пошлости — всего того, что оно обозначал словами «век обыкновенного человека». С несравненным блеском он изобразил похоронные практики США, Голливуд как столицу массового искусства, вскрыв через них в сатире «Незабвенная» основы американской цивилизации. Но реальное знакомство с американской жизнью в ходе поездок второй половины 1940-х гг. заставило Во признать историческое лидерство Америки по крайней мере в одной, важнейшей для него, сфере — сфере религиозной. Статья «Американская эпоха в католической церкви» знакомит европейских католиков с их будущими лидерами, католиками американскими. Во был слишком незаурядной индивидуальностью, чтобы без проблем соответствовать принятым в католицизме нормам; многое в английской католической церкви его раздражало, особенно к концу жизни. С тридцатых годов до шестидесятых привычными на страницах английской католической прессы стали острые полемики с его участием, в ходе которых писателю иногда приходилось консультироваться со своими адвокатами. На родине единоверцы относились к нему скорее настороженно; в среде американских католиков за ним не тянулся подобный шлейф, и он чувствовал себя много свободней, отсюда его ощущение духовного подъема среди американских католиков. Надо отметить, что этот всплеск относительной симпатии к Америке был недолгим и не оставил существенного следа на базовом отношении Во к США как к главному источнику его литературных гонимостей, но при этом обществу сугубо материалистическому, безнадежной в культурном отношении стране, чьи читатели и критика последовательно неправильно интерпретируют

его творчество, хвалят за то, чего сам автор скорее стыдится, порицают за то, чем он больше всего гордится, и чья литература в принципе лишена чувства стиля.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- [Во 1974] – Во И. Мерзкая плоть. Возвращение в Брайдсхед. Незабвенная. Рассказы. М.: Прогресс, 1974. Серия «Мастера современной прозы».
- Vo, I. *Merzkaia plot'. Vozvrashchenie v Braidskhed. Nezabvennaia. Rasskazy*. Moscow: Progress Publ., 1974. Seria «Masterya sovremennoi prozy».
- [Waugh 1980] – Waugh E. *Prose. Memoirs. Essays*. Moscow: Progress Publ., 1980 .
- [Waugh 1976] – Waugh E. *When the Going was Good*. Harmondsworth: Penguin, 1976.
- [Waugh 2012] – Waugh E. *The American Epoch in Catholic Church. A Little Order: Selected Journalism*. Ed. D. Gallagher. Harmondsworth: Penguin, 2012. Penguin Modern Classics Series. Online at <https://books.google.ru/books?isbn=0718197801>.
- [Waugh 2002] – Waugh E. „Interview with Julian Jebb“. *Paris Review*, № 30, Summer-Fall, 1963. Online at <http://www.theparisreview.org/interviews/4537/the-art-of-fiction-no-30-evelyn-waugh>
- [Evelyn Waugh: The Critical Heritage 2002] – *Evelyn Waugh: The Critical Heritage*. Ed. M. Stannard. L.-N.Y., Routledge, 2002. Online at <https://books.google.ru/books?id=OIXBeIG73bwC&printsec>.
- [The Diaries of Evelyn Waugh 1976] – *The Diaries of Evelyn Waugh*. Ed. M. Davy. Boston (MA)-Toronto: Little, Brown and Company, 1976.
- [The Essays, Articles and Reviews of Evelyn Waugh 1983] – *The Essays, Articles and Reviews of Evelyn Waugh*. Ed. D. Gallagher. L.: Methuen, 1983.
- [The Letters of Evelyn Waugh 1982] – *The Letters of Evelyn Waugh*. Ed. M. Amory. Harmondsworth: Penguin, 1982.
- [The Letters of Evelyn Waugh and Diana Cooper] – *The Letters of Evelyn Waugh and Diana Cooper*. Ed. A. Cooper. Boston, MA: Houghton Mifflin, 1992.
- [The Letters of Nancy Mitford and Evelyn Waugh 1997] – *The Letters of Nancy Mitford and Evelyn Waugh*. Ed. C. Mosley. Boston, MA: Houghton Mifflin, 1997.
- [Barney 1994] – Barney N.C. “Foreword to ‘As Fine As Melanctha’”. *Gertrude Stein Remembered*. Ed. L. Simon. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 1994.
- [Beaty 1994] – Beaty F. L. *The Ironic World of Evelyn Waugh: A Study of Eight Novels*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 1994.
- [Brennan 2013] – Brennan M. G. *Evelyn Waugh: Fictions, Faith and Family*. L. - New Delhi - N.Y. - Sydney: Bloomsbury, 2013.
- [Coady 2012] – Coady M.F. „Evelyn Waugh in America“. *Catholic Life*, October 2012. Online at <http://maryfrancescoady.com/recent-articles/evelyn-waugh-in-america/>.
- [Coady 2015] – Coady M.F. *Merton and Waugh: A Monk, A Crusty Old Man and «The Seven Storey Mountain»*. Brewster, MA: Paraclete Press, 2015.
- [Cook 1971] – Cook W.J. *Masks, Modes, and Morals: the Art of Evelyn Waugh*. Madison, NJ: Fairleigh Dickinson University Press, 1971.
- [Davies 1999] – Davis R.M. *Mischief in the Sun: The Making and Unmaking of The Loved One*. Troy, N.Y.: Whitsun Publishers Co, 1999.
- [Day 1963] – Day D. *Loaves and Fishes*. N.Y.: Harper and Row, 1963.
- [DeCoste 2016] – DeCoste M.D. *The Vocation of Evelyn Waugh: Faith and Art in the Post-War Fiction*. Abingdon OX- N.Y.: Routledge, 2016.
- [DeVitis 1958] – De Vitis A.A. *Roman Holiday: The Catholic Novels of Evelyn Waugh*. L.: Vision, 1958.
- [Eade 2016] – Eade Ph. *Evelyn Waugh: A Life Revisited*. L.: Weidenfeld and Nicolson, 2016.

- [Epstein 1988] – Epstein J. “The Outrageous Mister Wu”. *The New Criterion Reader: the First Five Years*. Ed. H. Kramer. N.Y.- L.: The Free Press, 1988.
- [Gallagher 2011] – Gallagher D. “Guy Crouchback’s Disillusion”. *“A Handful of Mischief”: New Essays on Evelyn Waugh*. Eds. D. Gallaher, A.Pasternak Slater and J. H. Wilson. Madison, NJ: Fairleigh Dickinson UP, 2011, pp. 172–219.
- [Hastings 1994] – Hastings S. *Evelyn Waugh*. Boston, MA: Houghton Mifflin, 1994.
- [Heath 1982] – Heath J.M. *The Picturesque Prison: Evelyn Waugh and His Writing*. Kingston-Montreal: McGill-Queen’s University Press, 1982.
- [Hitchens 2003] – Hitchens Ch. “Evelyn Waugh: The Permanent Adolescent”. *The Atlantic*, May 2003. Online at <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2003/05/the-permanent-adolescent/302717/>.
- [Jones 2003] – Jones A. “Literary Scamp Evelyn Waugh”. *Notre Dame Magazine*, Autumn 2003. Online at <http://magazine.nd.edu/news/14881-literary-scamp-evelyn-waugh/>.
- [Krohe 2012] – Krohe J. “Springfield Visited. Evelyn Waugh Lectures the Capital in 1949”. *Illinois Times*, April 26, 2012. Online at <http://illinoistimes.com/print-article-9939>.
- [McCartney 1987] – McCartney G. *Confused Roaring: Evelyn Waugh and the Modernist Tradition*. Bloomington, IL: Indiana University Press, 1987.
- [McGowan] – McGowan K. *Loyola Jesuits and the Novel*. Online at <http://www.loyola.edu/library/citythatreads/site8home.html>.
- [Merton 1996] – Merton Th. *Entering the Silence*. Ed. J. Montaldo. San Francisco, CA: Harper, 1996.
- [Meyers 2003] – Meyers J. *Edmund Wilson: A Biography*. N.Y.: Cooper Square Press, 2003.
- [Milthorpe 2016] – Milthorpe N. *Evelyn Waugh’s Satire: Texts and Contexts*. Madison, NJ: University Press Copublishing Division / Fairleigh Dickinson University Press, 2016.
- [Munton 2005] – Munton A. “Evelyn Waugh’s Sword of Honour: The Invention of Disillusion”. *Waugh Without End: New Trends in Waugh Studies*. Eds. C.V. Flor and R.M. Davis. Bern: Peter Lang, 2005, p. 225-246.
- [O’Donner 1952] – O’Donnell D. *Maria Cross: Imaginative Patterns in a Group of Modern Catholic Writers*. N.Y.: Oxford University Press, 1952.
- [Pasternak Slater 2016] – Pasternak Slater A. *Evelyn Waugh (Writers and Their Work)*. Tavistoke, UK: Northcote House Publishers, 2016.
- [Patey 2001] – Patey D.L. *The Life of Evelyn Waugh: A Critical Biography*. Oxford-Malden, MA: Blackwell, 2001.
- [Sexton 2016] – Sexton D. “Evelyn Waugh: A Life Revisited by Philip Eade – Review”. *Evening Standard*, June 23, 2016.
- [Stannard 1986] – Stannard M. *Evelyn Waugh: The Early Years, 1903–1939*. N.Y.-L.: W.W. Norton, 1986.
- [Stannard 1994] – Stannard M. *Evelyn Waugh: The Later Years, 1939–1966*. N.Y.-L.: W.W. Norton, 1994.
- [Sykes 1975] – Sykes Ch. *Evelyn Waugh: A Biography*. Harmondsworth: Penguin, 1977. (First edition – Glasgow, Collins, 1975).
- [Weigel 2016] – Weigel G. ““A Tiny Bit of a Man”: Evelyn Waugh’s Anticipation of Donald Trump”. *National Review*, 14 March 2016. Online at <http://www.nationalreview.com/article/432744/donald-trump-evelyn-waugh-rex-mottram>.
- [Wilson 2002] – Wilson E. “Review of “Brideshead Revisited”, *New Yorker*, 5 January, 1946. Reprinted: *Evelyn Waugh: The Critical Heritage*. Ed. M. Stannard. L.-N.Y.: Routledge, 2002, pp. 245-248.
- [Wilson 1996] – Wilson J.H. *Evelyn Waugh: A Literary Biography, 1903–1924*. Madison, NJ: Fairleigh Dickinson UP, 1996.
- [Wilson 2001] – Wilson J.H. *Evelyn Waugh: A Literary Biography, 1924–1966*. Madison, NJ: Fairleigh Dickinson UP, 2001.
- [Wykes 1999] – Wykes D. *Evelyn Waugh: A Literary Life*. N.Y.: Palgrave McMillan, 1999.